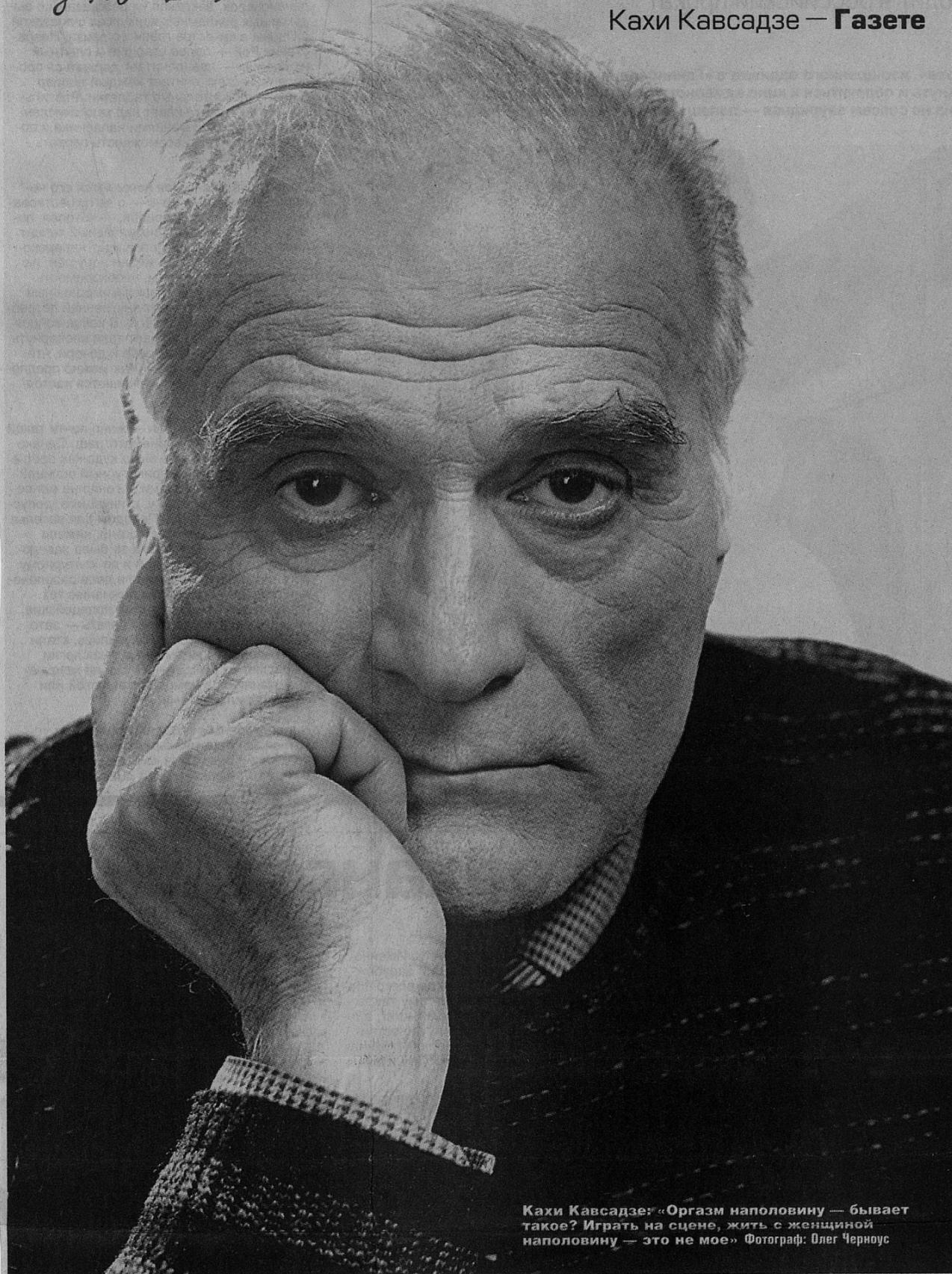

“Я буду играть всегда, везде и все”

Газета — 2003 — 14 окт. — С 8.

Кахи Кавсадзе — Газете

Кахи Кавсадзе: «Оргазм наполовину — бывает такое? Играть на сцене, жить с женщиной наполовину — это не мое» Фотограф: Олег Черноус

Знаменитый грузинский актер Кахи Кавсадзе, Абдула из «Белого солнца пустыни» и Дон Кихот из «Жития Дон Кихота и Санчо», приехал в Москву для участия в спектакле «Квартет», который будет показан в Центре оперного пения Галины Вишневской. С Кахи Давидовичем Кавсадзе встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

Что вас привлекло в этот проект?
Ничего!

Как так?
А так. Ничего.

Зачем тогда согласились?
Естественно, когда ты читаешь пьесу, тебя должно что-то затронуть. Если честно, я эту пьесу знал. Не понравилась она мне. Но это не может быть первостепенно для профессионала. Я согласился — и обязан сделать это хорошо. Я буду играть всегда, везде и все.

Но какие-то же есть пределы?
Никаких! Я буду играть всегда, везде и все! Единственное, что мне нужно, — это время. А если это еще будет поддержано экономически — это прекрасно! А если очень хорошо поддержано — я буду бесконечно счастлив. А с «Квартетом» было просто. Позвонили мне, сказали: ставим «Квартет», и я согласился играть в пьесе, которая мне не нравится. А когда ты играешь в пьесе, которая тебе не по душе, — это требует больше труда.

И какие вы нашли для себя опорные моменты?
Знаете, когда ты на сцене играешь и тебе кажется: «ой, как долго это длится», — значит, плохо ты играешь. И сначала мне казалось это длинно, а сейчас — коротко. А раз коротко, значит, я теперь кайф ловлю, когда играю. Героиня, которую играет Барбара Брыльска, говорит: «Я сейчас другая». А я отвечаю: «Нет, ты не другая. И мы все те же. Просто состарились, и все. Но время прошло так быстро, что мы не успели измениться. В душе я тот же лихой парень, каким был когда-то». Я играю человека, который и в семьдесят лет остался мальчиком, и это меня привлекает, это опорный момент, как вы говорите. Вот когда встречаются одноклассники бывшие, и будь им семьдесят, будь им восемьдесят, видно все равно, какие они остались мальчики. И если я это сыграть так, что мне спектакль не будет казаться длинным, значит, мне будет хорошо. И зрителю будет хорошо.

С партнерами — Барбарой Брыльска, Игорем Дмитриевым, Светланой Крючковой — отношения сложились сразу?
Мне кажется, всем нам пришлось трудно. Это были ломки — большие, страшные. Сперва встретились очень вежливо, потом, наверное, друг друга ненавидели, потом привыкли, а после — чуть-чуть начали друг друга уважать. А сейчас, мне кажется, немножко любим друг друга даже. Я думаю, когда в спектакле нет любви, зритель это чувствует.

В театре Руставели, где вы служите, это существует?
Театр есть театр — там страсти, и большие страсти. Некоторые любят друг друга, некоторые уважают. Но когда я чего-то или кого-то не люблю, я чувствую себя слабым. А мне не нравится чувствовать себя сла-

бым. А когда люблю — чувствую себя сильным. А если, например, я кому-то завидую, значит, со мной что-то плохое происходит, и это мешает мне работать.

Вы без большой радости об этом проекте говорите.
Однажды меня пригласили в Голливуд. Сказали, что хотят сделать со мной договор на два фильма. Но проблема была в моем незнании английского. «Что? — спрашивают. — Совсем не знаете?» — «Не знаю!» — «Ни слова?» — «Ни слова». И женщина, которая об этом спрашивала, рассерженная ушла. Потом я проверил свои чувства. Спокойно я воспринял это предложение. Так что, мне плясать от радости, что меня утвердили на эту роль в «Квартете»? Что вы! И потом, когда я берусь за работу, всегда у меня присутствует такая большая ответственность, что радости почти совершенно нет. Вот когда мне скажут: «Кахи Кавсадзе играет блестяще», вот тогда я порадуюсь.

Я имею в виду несколько другое, скажем, ваше недовольство пьесой.
Повторяю: единственная моя мечта — то, что я играю, сыграть на высокопрофессиональном уровне. Вы знаете, через полтора года мне будет семьдесят лет. И только сейчас я медленно понимаю, что что-то, наверное, в своей профессии постиг. И это не кокетство.

А когда вам было лет двадцать, наверное, думали, что все знаете?
Нет. Ведь я начал работать с Робертом Стурой. И такой монстр сидел передо мной, что думать, что я все знаю, не получалось. Помню, когда я сыграл первую роль у него в спектакле, действительно, подумал, что все могу. А потом Стура дал мне роль человека, который медленно движется, говорит тихо и высоким голосом. Мне, который часто кричит, быстро движется, такую роль дали! И это было очень трудно. Так что возвращаться собой Стура мне не давал.

Кстати, Стура в интервью Газете говорил, что грузины очень остро чувствуют, что человек смертен, и это заставляет их жить в том числе и на сцене в полную силу, не экономя себя.
Я не знаю, чем это вызвано. Но я не представляю, как можно на сцене жить вполсилы. Так же, как если ты живешь с женщиной, — надо до конца! А наполовину — не бывает. Оргазм наполовину — бывает такое? Играть на сцене, жить с женщиной наполовину — это не мое. И вообще ни с кем наполовину нельзя. Если я вам дам интервью наполовину, зачем тогда нам говорить? Я не знаю, чем это вызвано, тем, что я умру, или чем другим (смеется).

В чем заключалась основная трудность, когда вы играли Дон Кихота в фильме «Житие Дон Кихота и Санчо»?
Физическая трудность. Я как-то на одной встрече сказал, что не люблю фильмы

со своим участием смотреть. Я сделал свое дело — и все, больше не хочу ничего. И меня спросили: «А если бы вам предложили заново снять «Дон Кихота», вы бы там снялись?» Я говорю: «С удовольствием. Если мне дадут за эту работу миллион долларов». — «А, вас деньги интересуют!» — «Нет, не деньги! Я этими деньгами для себя создал бы такие условия, чтобы не умереть». А если еще раз сняться так, как я снимался тогда, я умру на половине фильма. Это были абсолютно нечеловеческие условия. Первое — нас ничем не кормили. То, что я кушал, делал сам. Когда меня позвали на пробу, я весил сто десять килограммов, а в конце фильма — семьдесят восемь. И я повредил себе желудок. Поэтому на эти деньги я бы нанял себе повара, врача и шофера. А то ведь я ехал на съемки на своей машине. А когда ехал оттуда, уставший, однажды чуть в аварию не попал. У нас даже не было места для отдыха, я отдыхал в седле!

Почему такие условия были на съемках этого фильма?
А так всегда было. Человеческих условий на съемках никогда не было. Где мы сидели, где мы спали — ужас! В номерах только горячая или только холодная вода. Были случаи, когда я в гриме ложился спать: не было ничего, чтобы грим убрать. Поэтому я миллион долларов взял бы, чтобы создать себе человеческие условия. И я бы снялся, потому что знал бы, что останусь живым.

А съемки «Белого солнца пустыни»?
Были случаи, когда мы не знали, куда спрятаться от солнца. Я под лошадей сидел, чтобы солнце не ударило в голову. А «Белое солнце пустыни» я, кстати, первый раз смотрел три года назад.

Ну и как? Понравилось?
Я хотел понять, что людям здесь так нравится. Толя Кузнецов — фантастический, Луспекаев — фантастический, Мишулин — замечательный. И про меня говорят, что я тоже неплохой. Но главная заслуга принадлежит режиссеру Мотылю. И посмотрел я этот фильм только в 2000 году, когда в рамках московского кинофестиваля шла ретроспектива фильмов Рустама Ибрагимбекова. Я говорю Кузнецову, который рядом сидел: «Толь, а я ведь впервые этот фильм смотрю». — «Ну, — говорит, — пора уже посмотреть».

У Питера Брука в книге «Блуждающая точка» есть такой раздел «Люди моей жизни — беглый взгляд в прошлое», где он рассказывает о наиболее важных для него людях. Кого бы вы поместили в такую главу?
Конечно, Роберт Стура. Темура Чхеидзе. А если не только о творчестве говорить — это моя жена. Если бы не она, я бы не состоялся. Она была известной грузинской актрисой, которая, к сожалению, заболела,

болела двадцать три года и ушла из жизни. Она — это главное явление моей жизни. Это Бог дает: «Ты будешь Леонардо да Винчи, ты — Байрон, ты — Толстой, а ты будешь любить». Мне было очень хорошо, когда была жива моя жена. Я был счастливейший человек. У меня была красивая, умная, добрая супруга. И это прошло. После этого мне трудно. Я знаю, что я должен вытерпеть это время. Когда она ушла из жизни, я очень страдал. Я часто повторял: «Что сейчас мне делать? Что?» Ко мне подошел один знакомый — хороший режиссер и сказал: «Кахи, понятно — ты переживаешь. А сколько лет вы были вместе?» — «Двадцать шесть». — «И все это время ты был счастливым человеком?» — «Был счастливым». — «Ты больше чем четверть века был счастливым! А есть люди, которые не были счастливыми ни одного дня!» И он прав. Что ж, моя участь такая. Столько лет было нам отпущено.

Извините, что я переключаюсь на политическую тему. Темур Чхеидзе, о котором вы упомянули, в интервью Газете говорил, что Россия относится к Грузии, как мужчина — к женщине, которая ему изменила.

Мне категорически не нравится постановка вопроса. Но допустим. Вот когда женщина изменяет тебе, не ее надо винить, а себя. Почему тебе женщина изменила? Ты высокий, красивый, умный, талантливый, богатый. В чем дело? Наверное, чего-то ты не делал так, как надо было. Может быть, по-человечески не разговаривал с ней? Или — муж ушел от красивой, замечательной жены. Вся его карьера построена на том, что он был женат на ней. Она дочь важных людей. А муж ушел. И жена кричит: «Ушел, негодяй!» А ты пересмотри себя. Найди в себе причины. И если Россия смотрит на Грузию, как на женщину, которая изменила, пусть Россия подумает, почему Грузия изменила.

А вы как думаете — почему?
Это длинная история. Например, вы наверняка не знаете о том, что в 1956 году в Тбилиси расстреляли народ, который кричал: «Партия Ленина, партия Сталина...» Силой можно выиграть, но победить невозможно. Вот есть такие люди, которые говорят про других: «Почему я с ним буду цацкаться?» Вот для таких людей «цацкаться» — это поговорить по-человечески, найти понимание. Почему цацкание? Почему ты считаешь, что ты лучше, что ты больше меня? Вот немцы сказали: «Мы лучше всех!» — и чуть не исчезли с лица земли. Существует такое слово «толерантность» — терпимость к другим народам. Кто ты такой — не терпеть другие народы? И толерантность считается хорошим тоном — а это безобразие! И были даже какие-то вечера толерантности! Какие вечера? Какие малые народы? Все мы дети Божьи. Начнешь плохое — будешь отвечать перед Богом. Ничего Бог не прощает. Ничего.

Вы так страстно об этом говорите, что кажется — вы чувствовали дискриминацию по отношению к себе.
Я никогда никому бы этого не позволил. Может быть, бывали такие слова: «Я люблю грузинскую нацию» — мне это не нравилось. Вот, например, я скажу: «Я люблю русскую нацию». Во-первых, кто я такой? Во-вторых, я как бы намекаю: цените то, что я вас люблю. Это невежество. Кто ты, чтобы что-то любить или не любить? Это есть, и ты обязан эту часть жизни уважать. Все. Вот Ленин, который никогда не был для меня примером, говорил одну справедливую вещь о том, что Россию погубит чрезмерная любовь нероссиян к ней. Надо к этому очень внимательно относиться. Мы сами все решим, без вас, а ты, когда говоришь о любви к России, что ты для себя выиграть хочешь? Любовь к России — это как пакет с фуфлом. Кто-то бросил и смотрит, ждет — может, подберут.

Что вас больше всего в людях раздражает?
Ничего. Мне нравится, когда я не злюсь. Когда что-то человек делает, я пытаюсь понять, почему он так поступил. И пытаюсь искать причины в себе. Не раздражает ничего. Я просто могу простить или не простить. Предательства простить не могу. Вообще, мне кажется, ничего не прощается. Можно забыть. И только. Но что для меня важнее всего — это преданность. Вот есть стихотворение Рождественского, когда один другому говорит о своей абсолютной преданности, а ему отвечают: «Уйди. Я не люблю рабов». Совершенная преданность разве рабство? Это Божий дар!

газета

Кахи Кавсадзе

поет в «Квартете»

Во всех справочниках написано, что знаменитый грузинский актер Кахи Кавсадзе родился в 1935 году в грузинском городе Ткибули. У Газеты есть возможность исправить эту ошибку: Кахи Давидович родился 5 июня 1935 года в Тбилиси. Потом его родители переехали работать в Ткибули, где чиновники, составляя документы, и сделали Кавсадзе уроженцем их города. Тбилисский театральный институт имени Шота Руставели Кавсадзе закончил в 1959-м, и с тех пор работает в Тбилиском академическом театре им. Ш. Руставели. Кахи Давидович сыграл почти во всех всемирно известных постановках Роберта Стуры, в том числе и в «Кавказском меловом круге». Популярность всенародную ему принесла роль Абдулы в фильме «Белое солнце пустыни» (1969). Очень полюбился публике и его Дон Кихот из телевизионного фильма «Житие Дон Кихота и Санчо» (1988), поставленного Резо Чхеидзе. Кахи Давидович любит не только играть на сцене и сниматься в кино, но и плавать. Плавает в шторм и штить, не вылезает из воды по часу. Говорит, что мог бы доплыть до Турции, да вот возвращаться назад будет скучно. «Квартет» — вторая работа Кавсадзе в московской антрепризе. Первый раз он сыграл в московском Театре Эстрады в спектакле «Птицы». Его партнерами были Геннадий Хазанов и оперный певец Вячеслав Войнаровский. На сей раз это Барбара Брыльска, Игорь Дмитриев и Светлана Крючкова.